

Михаилу
Худякову –
125 лет
со дня
рождения

Михаил Георгиевич Худяков – знаковая фигура среди русских учёных, изучавших историю народов Среднего Поволжья, в работах которого видное и особое место занимала история татар и их государственности. Среди историков и поныне редко встретишь учёного, столь обширно и скрупулёзно исследовавшего Казанское ханство. А внимание Михаила Худякова к истокам татарского

народа, его искреннее сочувствие к порабощённому в то время населению, желание донести всю правду без прикрас и извращений о самом трагическом периоде – падении Казани, достойно большого уважения. Невозможно и представить себе, что он, будучи совсем молодым человеком, проделал такую гигантскую исследовательскую работу в архивах и библиотеках, собирая

Ольга Иванова

ЖИЗНЬ и судьба

необходимый материал для подробных трудов по истории коренных народов бывшего ханства.

Пожалуй, самым объёмным и значимым творением Худякова стали «Очерки по истории Казанского ханства» – труд во многом выдающийся и ломающий стереотипы того времени, да что скрывать, и некоторых современных взглядов на расширение государства Российского. Завоевание ханства Иваном IV в 1552 году большинство наших соотечественников, не вникавших глубоко в историю отношений двух государств, представляют себе, как естественный процесс, а не насильственный захват и избиение целого народа. Многие считают крушение Казанского ханства ответом Москвы на многовековое ордынское иго. Прежде, не прочитав очерков Худякова, и я так считала, но подоплёка случившегося, весь исторический процесс куда глубже и неоднозначней. Лишь пройдя шаг за шагом по тропам труда учёного, можно увидеть и осознать всю трагичность и, возможно, неизбежность падения ханства в самом его худшем варианте.

Вот как писал о его работе в 1990 году известный учёный-историк Миркасым Усманов: «Появилась попытка изложения истории этого государства с научной позиции, то есть с позиции

человека-исследователя, искренне захотевшего разобраться в сложных фактах прошлого <...>. Таким образом, у М. Г. Худякова, в отличие от прежних представителей и нынешних последователей традиционных антитатарских концепций, призванных перенести факты вражды из прошлого в настоящее и будущее, мы находим желание восстановления справедливости, хотя бы в плане реабилитационных устремлений».

Много лет назад, когда мною была задумана историко-художественная трилогия о самых известных казанских ханшах, в моём распоряжении не оказалось труда Худякова, изъятого из библиотек, как работа «врага народа», ещё в 1936-м. «Очерки» не были доступны широкому кругу читателей. Лишь в некоторых исторических монографиях и статьях можно было встретить цитаты и ссылки на работу Михаила Георгиевича. Хотя выдающегося историка реабилитировали посмертно ещё в 1957 году, его «Очерки по истории Казанского ханства» переиздали лишь в 1991-м. Монография эта для меня, кропотливо собиравшей крохи материала для книги, где только было доступно для обычной читательницы, стала настоящим Клондайком. В ней я отыскивала ответ на большинство своих вопросов, связанных с внешнеполитическими отношениями,

учёного

внутренним устройством государства, бытом знати и простых людей и т. д. Именно труд Худякова дал необходимые сведения и мощный толчок к тому, чтобы дописать роман «Сююмбика», начатый в 1986 году и отложенный за недостаточностью материала, а после взяться за «Нурсолтан» и «Гаухаршад». Как писатель я получила мощную базу с подлинными именами, историческими фактами и подробными описаниями важнейших событий, поданных в «Очерках» ярко, с научным романтизмом и художественной фантазией, но созданной на серьёзной документальной основе. Трудно сказать, не будь этого великолепного труда Михаила Георгиевича, появились бы на свет и некоторые исторические романы о Булгаре и Казани, и могли бы они стать такими реалистичными, если б их создателей не вдохновили «Очерки» Худякова?

А судьба учёного складывалась отнюдь не столь блестяще, как его работы, хотя на заре научной карьеры путь Михаила Георгиевича виделся ясным и удачным, как и сама жизнь, начиная с рождения. Он появился на свет в городе Малмыж Вятской губернии 15 сентября 1894 года в благополучной купеческой семье. Подающего надежды мальчика, получившего хорошее домашнее образование, направили сначала в 1-ю Казанскую Императорскую гимназию, которую он окончил в 1913 году с золотой медалью, а после – в Казанский университет. Будучи студентом, юность которого пришлась на бурные революционные годы, Михаил больше увлекался научными трактатами, которыми была завалена его маленькая комната на улице Малая Красная, 21. Археология и история захватили его мышление ещё в гимназии, он принимал участие в поездках в Австрию, Венгрию, Константинополь, и как много пища для ума дали мальчику осмотры древних замков, соборов и рассказы о них! На первом курсе университета студент Худяков записался сразу на 14 циклов лекций по истории к таким знаменитостям, как Фирсов, Хвостов, Бречкевич.

Круг его интересов уже тогда очертился вокруг прошлого народов Поволжья, Прикамья. На втором курсе Михаил издал свои первые работы по истории родного города и малмыжских татар, которые опубликовали в солидных изданиях. Он выезжал в археологические экспедиции на раскопки от Казанского университета, и в этом была вся жизнь начинающего учёного.

Между тем страну сотрясали эпидемии революционного толка, было модно вступать в различные кружки и организации, где молодёжь яростно протестовала против устоев и традиций прошлого. Худяков старался оставаться в стороне от бунтарей, его интересовала только наука, история, покрытая пылью веков, а современная жизнедеятельность государства и его населения проходила как будто мимо. Но оставаться совершенно непричастным к столь глобальным переменам Михаилу не удалось, в 1916 году его призвали в армию, где он прослужил около года в чине прапорщика. В 1918 году он возвратился в университет и всё же включился в одно из революционных течений, примкнул к партии эсеров, но, не проявив там необходимой активности, вскоре выбыл из рядов социалистов-революционеров. Окончив исторический факультет университета, Михаил Георгиевич устроился преподавателем в одну из казанских школ и почти одновременно вёл параллельную деятельность – возглавлял историко-археологический отдел губернского музея, читал лекции в Северо-Восточном археологическом этнографическом институте, работал в музейном отделе Народного комиссариата просвещения ТАССР. В Малмыже вместе с Кузубаевым Гердом создал Историческое общество, целью которого стал сбор легенд удмуртского и марийского народов, преданий этого края. На основе собранного материала Худяков написал два тома «Регистрационной книги для записей о древностях, легендах, преданиях Малмыжского уезда», начал создавать эпический цикл легенд и преданий удмуртов на языке этого народа, который

хорошо знал. Но более опытный Герд посоветовал молодому учёному переписать легенды на русский язык, видимо, полагая, что так у цикла больше шансов стать оценёнными в научной сфере и быть изданными.

Эти годы, вплоть до 1925 года, наполнены для Худякова особым смыслом – он видел заинтересованность правительства в возрождении национальной политики, и труды, выпестованные им, легли на благодатную почву, воспринимались во всех кругах. Михаил Георгиевич чувствовал себя счастливым человеком, когда имел возможность заниматься любимой наукой и темами, близкими его духу. Ему не исполнилось и тридцати, а свет уже увидели самые прогрессивные и сокровенные работы – брошюра, посвящённая исламской культуре в Поволжье, и «Очерки по истории Казанского ханства».

В разрушенной революцией и войной стране появление «Очерков» (1923) на некачественной желтоватой бумаге стало настоящим прорывом. Вот как написала о событии официальная пресса: «Эта книга, которой недоставало. Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжёлой зависимости от другого государственного союза» (Известия ТЦИК, 1923, № 233 от 19 октября). В центральных газетных изданиях «Очерки» тоже заметили, выявив живой читательский интерес к мало освещённой прежде истории народов, тесно связанных с Русью. Вслед за бывшим депутатом Госдумы Калимуллой Хасановым и написанным Тукаем стихотворением «Не уйдём!» и Худяков мог воскликнуть: «Наконец-то, татар возвращают с задворков истории!» Ведь кто, как не Михаил Георгиевич сроднился с этим народом, погружаясь в изучение его происхождения, исторического пути и великих трагедий.

Но время потепления и татарского «ренессанса» закончилось на своём взлёте в конце 1923 года. Резко угас правительственный интерес к темам,

ранее волновавшим высшие круги, да и круги эти сменились. Худяков с горечью осознал, что в республике он обречён на прозябание, а возможно и забвение, в руководстве больше никого не интересовали его работы. И Михаил Георгиевич принял решение перебраться в Ленинград, славный своими научными институтами, принявшими в своих стенах немало учёных. Шаг, по-видимому, ставший роковым, хотя неизвестно, как сложилась бы его судьба, останься Худяков в Казани.

Ленинград встретил молодого учёного без распростёртых объятий, приходилось начинать всё заново, на первых порах – научным сотрудником Государственной публичной библиотеки. Худяков чувствовал потребность в дальнейшем обучении и поступил в аспирантуру, окончание которой позволило преподавать в Ленинградском университете. Но любимую тему – историю народов Поволжья и Прикамья Михаил Георгиевич не оставил и в городе на Неве. Он участвовал в Средне-Волжской экспедиции по Чувашии, одновременно работая над удмуртским эпосом. Его, наконец, заметили, и научная карьера историка, отдающего науке всё своё время и знания, пошла по возрастающей. В 1929 году Худякова назначили учёным секретарём и научным сотрудником Комиссии по изучению племенного состава населения СССР при Академии наук. Через два года он уже доцент ЛИЛИ и Ленинградского института философии, литературы и истории, а также научный сотрудник 1-го разряда института доклассового общества. Имя Михаила Георгиевича встало в один ряд с известными востоковедами и тюркологами СССР, он начал писать учебники, ездил в Москву читать лекции, организовывал археологические экспедиции в Поволжье и на Урал.

В те же годы прозвучал первый звоночек будущей трагедии, Михаила Георгиевича обвинили в «султангалиевщине» и «тюркском национализме». Но в начале 30-х годов всё обошлось публичными порицаниями и обязатель-

ными проработками. Учёному хотелось бы оставаться в стороне от политики и заниматься только любимым делом, но время очередных гонений и репрессий предполагало активную поддержку курса партии. Худяков вынужден был победиться и показать своё полное согласие с борьбой против «врагов народа», за что у некоторых современных авторов встретила осуждение Михаила Георгиевича и обвинения в поддержке правящего режима и участия в политических процессах. Увы, как легко сегодня рассуждать на эти темы и обвинять, не зная, что такое просыпаться от страха, когда под окнами тормозит чёрный «воронок», когда, не чувствуя за собой никакой вины, рискуешь каждый день оказаться в застенках НКВД.

Но пока Худяков с увлечением отдавался исследованию мусульманской культуры Поволжья, издавал работу за работой, активно публиковался. В его научном багаже насчитывалось уже около 120 трудов по памятникам археологии, культуре и фольклору финно-угорских и мусульманских народов, и половина из них была посвящена истории татар и татарской государственности. Науке он отдавал всю свою жизнь, она для него стала женой, которой у Михаила Георгиевича не было, а его статьи и монографии – детьми, так и не появившимися у даровитого учёного. В 1936 году по результатам научной деятельности Худякову присвоили степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

Порадоваться заслуженному успеху, достойной оценке своей работы Михаил Георгиевич не успел, ужасная машина репрессий, подминавшая под себя лучших людей страны, в конце концов добралась и до него. В Ленинграде развернулась очередная «охота на ведьм», затронувшая в этот раз научные круги. Один из арестованных учёных Абрам Пригожин дал показания на своих товарищей, в число которых попал и Михаил Георгиевич. В сентябре 1936 года Худякова арестовали по обвинению в сотрудничестве с троцкистско-

зиновьевской организацией и участию в террористической группе. Не выдержав избиений, он подписал всё, что ему вменяли, и назвал своими «соучастниками» ещё несколько человек, как от него требовали следователи. По сути, его коллеги, попав под подозрение, уже были обречены, и стоит ли бросать камни в учёного, не выдержавшего пыток, ведь в застенках бериевского НКВД ломались даже железные генералы. Возможно, Михаил Георгиевич полагал, что после признания его оставят в покое, и когда-нибудь он сможет вернуться к своим трудам и любимому делу. Но приговор Военной коллегии не оставил никаких надежд на будущее. В ночь на 19 декабря 1936 года Худякову вынесли смертный приговор. Он был расстрелян ещё до утра следующего дня в подвале дома на Литейной, где располагался НКВД, как враг народа и террорист, покушавшийся на С. М. Кирова. Жизнь историка оборвалась на взлёте, в самом расцвете научной карьеры, ведь Михаилу Георгиевичу исполнилось всего 42 года.

Его реабилитировали в 1957 году, но труды учёного, изъятые и запрещённые прежде, начали издаваться лишь в 90-х годах. Об историке не забыли и в Татарстане, его именем назвали улицы. А знаменитые «Очерки по истории Казанского ханства» стали известны не только исследователям, но и широкому кругу читателей. О самом историке, его

жизни и научной деятельности имеются сведения в энциклопедических словарях, изданы множество статей. Вышли в свет и две книги об учёном, с большой теплотой и уважением написанные Фаузией Байрамовой «Михаил Худяков в истории татарского народа» и «Михаил Худяков и историко-культурное наследие народов Среднего Поволжья». Солидный том трудов учёного выпустил в своей серии «Наши великие личности» общественный Фонд сохранения и развития татарского языка и культуры «Жыен» («Сход»). Отдали дань памяти и Татарское книжное издательство с Татарским ПЕН-центром.

В памяти благодарных потомков навсегда останется имя Михаила Георгиевича – выдающегося исследователя, крупного учёного, этнографа, самого известного историка, занимавшегося прошлым народов Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Хотелось бы закончить статью ещё одним высказыванием профессора М. А. Усманова о Худякове и его стремлении восстановить историческую справедливость: «Нетрудно в этом увидеть благородство исследователя как человека. Давайте же и мы будем, подобно ему, максимально благородными: постараемся отыскать в его наследии побольше положительного. Ибо лишь положительное в намерениях и действиях имеет подлинную созидательную перспективу».

